XVI 65/17

ЛУЧИ,

Инв. № 127

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОЮ ИШИМОВОЮ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1854.

ВОСПОМИНАНІЯ О КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

Исполняя желаніе ваше, добрый другъ мой, пишу вамъ воспоминанія поѣздки моей въ 1851 году въ Киргизскую степь на сѣрныя воды, которыя намъ, Русскимъ, еще мало извѣстны, но которыя болѣе 200 лѣтъ уважаются кочующей ордой по своей цѣлительности и называются *Арасанъ*, т. е. *святой ключь*.

Желалъ-бы я владѣть перомъ такъ, чтобы умѣть передать вамъ всѣ красоты этой степи, всѣ впечатлѣнія мои тамъ и тѣ чувства благодарности къ Творцу, которыя возбуждаются въ сердцѣ человѣка посреди величія и безмолвія пустыни! Но напрасно желаніе мое: перо мое не пишетъ такъ, какъ-бы я хотѣлъ!

Начну-же разсказъ мой просто, припоминая все случившееся со мною во время этого путешествія, по дневнику, который я велъ тогда. Служа въ О*, я любилъ въ свободное время развлекаться охотой, и благодаря этой забавѣ, захворалъ однажды зимой сильнымъ ревматизмомъ, который продержалъ меня шесть мѣсяцевъ въ постели. Въ маѣ я едва начиналъ двигаться и собирался уже для поправленія здоровья ѣхать въ родную Украйну, какъ одинъ изъ докторовъ О*скихъ посовѣтывалъ мнѣ съѣздить прежде полечиться на сѣрныя воды, находящіяся на границахъ Средней и Большой Ордъ, близъ новой крѣпости нашей *Капалъ*, воздвигнутой за два года передъ тѣмъ у подошвы Алатавскихъ горъ, на рубежѣ Большой-Орды, находящейся въ подданствѣ

Россіи. Это мѣсто въ сосѣдствѣ Китайскихъ, Ташкентскихъ и Кокандскихъ владѣній, съ которыми Орда имѣла столкновенія то торговыя и миролюбивыя, то непріязненныя, извѣстныя подъ названіемъ *баранты*, т. е. угона скота и грабежа. Какъ скоро заселилась новая крѣпость 300-ми казачьихъ семействъ, Орда стала спокойнѣе и перестала ссориться съ сосѣдями.

Въ первыхъ числахъ іюня я былъ въ состояніи сѣсть въ тарантасъ и пуститься въ мое путешествіе. Отъ О* къ Семипалатинску дорога идетъ равниной къ югу и линіей казачьихъ станицъ вверхъ по Иртышу. Дорога ровная и гладкая, какъ шоссе, но утомительно однообразіе ея: вездѣ степь, мѣстами покрытая рѣдкимъ лѣсомъ тонкихъ березъ, мѣстами обнаженная; солончаковая почва ея чуть зеленѣется молодой травой. Все мертво на необозримомъ пространствѣ; изрѣдка завидите вы вдали табунъ казачьихъ лошадей, никѣмъ не пасомыхъ, или одинокую юрту какого-нибудь джатака — Киргизца-бѣдняка, а подлѣ нея пасется десятокъ овецъ и козъ — все его богатство. И грустно сдѣлается на душѣ видѣть такую бѣдную жизнь людей тамъ, гдѣ могли-бы зеленѣть богатые посѣвы хлѣба. Здѣсь же нигдѣ не видно было нивы; плугъ или соха не прорѣзывали засохшую земную кору; сѣмена не обновляли растительности ея, и самыя травы, изсыхая на корнѣ, казалось, жили вяло, забытыя людьми. И подъѣзжая къ станицѣ, вы не увидите скирдъ хлѣба, которыя такъ радуютъ взоръ, выказывая трудъ и довольство поселянъ. Здѣсь видны одни рубленные, вытянутые въ линію домики съ множествомъ во дворѣ

мелкихъ построекъ, крытыхъ березовой корой. Впрочемъ у нѣкоторыхъ казаковъ есть дома довольно большіе — въ пять и въ шесть комнатъ съ раскрашенными внутри стѣнами масляной краской, всего чаще голубой, съ вычурными изображеніями вазъ и цвѣтовъ во всю стѣну. Потолки также расписаны букетами невиданныхъ цвѣтовъ, а полы окрашены, какъ слѣдуетъ, желтой краской. Мебель: довольно-большія зеркала, привезенныя съ Ирбитской ярмарки; диваны обитые ситцемъ; столы расписанные также пестро, какъ и потолки; огромная постель съ ситцовыми занавѣсками и горами подушекъ; окованные сундуки, покрытые Ташкентскими коврами, а въ углу у дверей, какъ швейцаръ, стоитъ огромный самоваръ. За порядкомъ въ домѣ смотритъ работница-Киргизка, которой понятія о чистотѣ, конечно, не очень велики; за дѣтьми казаковъ ходитъ нянька также Киргизка. Живо помнится мнѣ сцена, которую я видѣлъ, когда вошелъ для отдыха въ одинъ изъ домовъ казачьихъ. Хозяйка, высокая и здоровая женщина, въ ситцевомъ платьѣ, сидѣла, сложивъ руки и дожевывая что-то у стола, съ котораго только-что сняли самоваръ и на которомъ еще валялись объѣдки шанекъ или ватрушекъ. Около печи возилась уродливая Киргизка и перебранивалась съ двумя хозяйскими мальчиками, которые то жалобно, то сердито обращались къ нянѣ-Киргизкѣ и на Киргизскомъ-же языкѣ. На дворѣ у забора стоялъ уродливый верблюдъ; онъ протяжно кричалъ, какъ-будто призывая своего хозяина, стоявшаго на порогѣ дома въ ожиданіи приказаній казака. На Киргизѣ были широчайшіе желтые чембары

(шаравэры) и чики (сапоги). Изъ-подъ плисовой куртки, заправленной въ чембары, видѣнъ былъ поясъ изъ широкаго ремня съ ножемъ и металлическими бляхами. Обнаженная толстая шея и грудь были чуть окаймлены бѣльемъ. Большая бритая голова прикрыта пестрой Ташкентской тебетейкой; лице полудикое, мускулистое, въ морщинахъ; изъ-подъ черныхъ рѣдкихъ бровей свѣтятся лукавствомъ узкіе, черные глаза; усы и борода также черные и рѣдкіе; поза его свободна: лѣвой рукой онъ подбоченился, а въ правой держалъ толстую нагайку и высокую остроконечную шапку, покрытую краснымъ грубымъ сукномъ. Я спросилъ у казака: «Кто это?» — «Нашъ!» — отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, это былъ его работникъ. Онъ пасетъ стада, работаетъ на дворѣ; жена его ходитъ за коровами, дочери—за дѣтьми. Казачки-же встаютъ не ранѣе 9-го часа, пьютъ чай, ѣдятъ, опять пьютъ чай, сидятъ на завалинѣ, хотя-бы то былъ и не праздникъ. Отъ стара до мала всѣ казаки говорятъ по-Киргизски. Почти всѣ они грамотны, но, кажется, не большіе охотники до чтенія; впрочемъ стариковъ часто видишь за святцами. У здѣшнихъ казаковъ замѣтно во многомъ сближеніе съ Азіей; но Русскій духъ просыпается при первомъ толчкѣ. Посмотрите вы на этихъ людей черезъ мѣсяцъ, какъ они поступятъ во фронтъ; вы ихъ не узнаете: они подвижны, ловки, смѣтливы—словомъ, молодцы. Не вѣрится, что это тѣ самые люди, которые такъ еще недавно вели спокойную, безпечную, домашнюю жизнь, и непостижимо, куда дѣнется лѣнь ихъ! Вообще казаки стройны

и красивы собой. Женщины ихъ также довольно статны, но между ними мало красивыхъ; онѣ любятъ рядиться, хотя и не имѣютъ отличительнаго своего наряда. Казачьи дѣти ходятъ въ пестрыхъ халатахъ, даже и дѣвочки, — вѣрно отъ того, что недорого достаются они имъ на линіи въ мѣнѣ съ Киргизами.

Но пора мнѣ въ путь. Лихія лошади едва сдерживаются сильными казаками, которые, накинувъ шлейки на дикихъ коней, висятъ на нихъ, держа ихъ подъ уздцы, за гривы и за уши. Лишь только вы сѣли, раздается крикъ: «Пускай!» и тройка какъ бѣшеная несется по ровной дорогѣ. Версты черезъ четыре уходятся дикіе скакуны и ямщикъ отдохнетъ, отпустивъ возжи. Вообще ѣзда въ Сибири чрезвычайно быстра: обыкновенно двадцать верстъ въ часъ. Я ѣхалъ не торопясь до Семипалатинска (около 800 верстъ) съ небольшимъ двое сутокъ, останавливаясь на нѣсколько часовъ на ночлегахъ; вездѣ находилъ я вѣчно-кипящій самоваръ съ неизбѣжными *шанешками* и свѣжую стерлядь, налима или нельму для ухи. Не доѣзжая верстъ 150 до Семипалатинска, въ-лѣво отъ дороги, на горизонтѣ показывается синяя полоса бора Шульбинскаго. Этотъ боръ тянется отъ Обикъ Иртышу и оживляетъ прибрежные холмы, которые начинаютъ здѣсь показываться отдѣльными группами. Это первыя предгорія Алтайскаго кряжа, выбѣжавшія на степную равнину. Вотъ и семь холмовъ — семь палатъ, гдѣ, по преданію, были нѣкогда постоянныя зимнія стойбища ханскія. Говорятъ, что и теперь еще находятъ признаки давно исчезнувшей осѣдлости въ руинахъ, сложенныхъ изъ камня; но нельзя вполнѣ вѣрить, чтобы

это были ханскія жилища, а скорѣе развалины надгробныхъ памятниковъ, которые и нынѣ ставятся въ родѣ маленькихъ крѣпостей съ башенками и которые одни указываютъ въ степи на прошлую жизнь кочующихъ поколѣній и служатъ какъ-бы путевыми маяками въ безграничномъ пространствѣ степи. Трудно здѣсь найти людей, свѣдущихъ о мѣстныхъ преданіяхъ: вы встрѣчаетесь только съ полудикими Киргизами, а ихъ біи (родоначальники) говорятъ только о скотѣ да о *барантѣ*, т. е. грабежѣ, и при встрѣчѣ съ Русскимъ они только кланяются и смотрятъ съ дикимъ любопытствомъ, желая узнать, кто онъ и зачѣмъ ѣдетъ. Въ Семипалатинскѣ торгуютъ — Ташкентцы, Бухарцы или выходцы изъ Коканда. Пришельцы эти осѣдлы не болѣе 50 лѣтъ и также безъ малѣйшаго образованія; есть еще муллы съ претензіей на ученость, но ихъ мозгъ такъ толсто окутанъ бѣлой и зеленой холстинной чалмой, что изъ него ничего не выходитъ, кромѣ нелѣпо-перепутанныхъ толкованій корана, на который они безсовѣстно громоздятъ всю грязь житейскихъ дѣяній и все свое невѣжество. Я подосадовалъ, что ничего не узналъ о мѣстныхъ преданіяхъ, но послѣ, вникнувъ въ образъ жизни ихъ, разсудилъ: откуда имъ знать прошлое, когда они живутъ лишь настоящимъ и равнодушно смотрятъ на будущее въ своемъ фанатическомъ вѣрованіи. Такъ точно жили цѣлыя поколѣнія ихъ предковъ, которыхъ могилы разбросаны на тысячи верстъ по всей степи и, давно безмолвствуя, вросли въ землю. А нынѣшніе кочевые улусы знаютъ-ли кочевья свои за 25 лѣтъ назадъ? Многіе не знаютъ и того! Степь — какъ

море, а люди — какъ волны: разбрасываются и исчезаютъ, безпрестанно смѣняясь одни другими. Да и какое дѣло полудикому Киргизу знать, гдѣ и какъ жили его предки, кто топталъ своими стадами эти равнины, на которыхъ сегодня разбилъ онъ свое стойбище? Онъ равнодушенъ къ прошедшему, и не найти ему предковъ съ ихъ жизнію, которая какъ и его собственная кочевала тамъ, гдѣ приволье и покой.

Вотъ и Семипалатинскъ, при впаденіи рѣки Семипалатинки въ Иртышъ, на низменномъ, песчаномъ грунтѣ, окруженный боромъ и тополевыми рощами. Онъ имѣетъ полуазіятскую наружность какъ по постройкамъ, такъ и по народонаселенію, простирающемуся до 7000 жителей обоего пола. Кромѣ выходцевъ изъ Ташкента и Бухаріи, здѣсь живутъ и торговцы Татарскіе и купцы и мѣщане Русскіе. Городъ раздѣляется на нѣсколько частей, не похожихъ одна на другую. Крѣпость давно уже упразднена, но о ней свидѣтельствуетъ еще обвалившаяся насыпь изъ плитняка, да ровъ заросшій травой, гдѣ свободно разгуливаютъ козлы. Въ крѣпости—казармы, госпиталь и полковыя зданія. Тутъ-же церковь старинной архитектуры. За валомъ крѣпости идутъ кварталами улицы. Домики самой скромной наружности: изъ оконъ ихъ или у воротъ выглядываютъ мѣщанскія семьи. Далѣе Татарская слобода расположена близъ лавокъ и базара; здѣсь всегда движеніе пестрой толпы. Татарченки въ изорванныхъ бешметахъ и синихъ длинныхъ рубашкахъ; группы стариковъ съ поджатыми ногами безмолвно сидятъ

и любуются на борьбу мальчишекъ, поощряя ихъ крикомъ: «батырь, якши батырь!» — хорошо, удалецъ!» Въ отворенныхъ лавкахъ развѣшаны пестрые халаты, чембары, чики, Ташкентская парча, канча, стоятъ тюки съ урюкомъ, и цибики чернаго чая; тутъ-же и груды кирпичнаго чая. Купцы сидятъ на коврикѣ и очень хладнокровно ведутъ степенный разговоръ, какъ-будто дома, не обращая вниманія на посѣтителей, пока тѣ не повторятъ нѣсколько разъ своихъ требованій. Къ дополненію картины Азіятскаго базара тутъ-же видите вы нѣсколько оборванныхъ всадниковъ на тощихъ лошаденкахъ, или два, три такихъ-же молодцевъ на верблюдѣ, который, озираясь и жуя жвачку, протяжно реветъ и наводитъ тоску. Порой прокричитъ муэзинъ съ высоты минарета мечети, призывая правовѣрныхъ къ молитвѣ; но здѣсь этотъ крикъ раздается въ пустынѣ: мечеть всегда бываетъ пуста. Правовѣрные идутъ по домамъ совершать вечернюю молитву.

Домики Азіятцевъ составляютъ смѣсь архитектуры Русской съ Азіятской: вычурные на столбикахъ галлереи и балкончики съ высокими крышами. У окна, всегда полузакрытаго, видны любопытные черные глазки изъ-подъ бѣлой чадры скрытой красавицы. Мущины рослы и красивы, особенно Ташкенцы: ходятъ они въ пестрыхъ бешметахъ и халатахъ подпоясанные богатымъ поясомъ съ серебряными и бирюзовыми украшеніями. На головѣ бѣлая чалма, красиво сложенная, рѣзко выказываетъ смуглыя, можно сказать даже бронзовыя лица. Поступь и позы ихъ важны и спокойны;

разговоръ и мимика — выразительны. Всѣ здѣшніе Татары говорятъ ломаннымъ Русскимъ языкомъ, но не всегда обнаруживаютъ это, а любятъ для большей важности, чтобы переводили ихъ разговоръ, особенно передъ высшими лицами, изъ хитрости, чтобы имѣть время обдумать косвенный отвѣтъ. Вообще эти люди хитры, любятъ деньги и также подобострастны съ высшими себя, какъ повелительны съ низшими. Они называются торговыми гостьми, хотя давно уже имѣютъ свои домы въ городѣ, отлучаясь только два раза въ годъ по торговымъ дѣламъ въ Китайскіе города Кульджу и Чугучакъ, а нѣкоторые въ Бухару, Ташкентъ и Кокандъ. Торговля ихъ не обширна и не имѣетъ правильнаго хода; весной и осенью они отправляютъ въ эти страны Русскіе товары: чугунъ, кожи, сафьянъ, сукно, выбойки, нанку, ситецъ, а вывозятъ: чай черный и кирпичный, немного шелковыхъ матерій, кожъ, парчи, чучунчи, канчи, также бумажныхъ, болѣе на Киргизскую руку; кромѣ того хлопчатую бумагу и множество сухихъ фруктовъ: урюкъ, кишмишъ, изюмъ, алибухара, миндаль и прочее. Сверхъ всего этого они привозятъ разную мелочь Китайскаго издѣлья, но только самыхъ низкихъ сортовъ: посуду, чашки, чашечки, зеркальца, вѣеры, искуственные цвѣты и огнива. Это хорошо расходится у нихъ въ степи вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ между Киргизами и казаками, тароватыми на новинку. Но и эта торговля Азіятскихъ выходцевъ очень выгодна для нихъ, не смотря на униженіе и стѣсненія, которыя они переносятъ отъ народа и властей Поднебесной имперіи. При размѣнѣ Китай-

цы дают что хотят купцу-Татарину, не дозволяя ни выбора, ни брака своих товаров, и при всем том фунт чая, за который мы платим от 1½ до 2 р. с., приходится в мене не дороже 50-ти копеек серебром.

Но опять в путь! Прощай, полуазиатский Семипалатинск с твоими мечетями и Азиятским базаром! Вот двинулся паром под сильными ударами весел гребцов-Татаров. Через четверть часа мы уже вышли на другой берег Иртыша в Татарскую слободку тесно столпившихся домиков и лавок; тут-же раскинуты и закопченныя дымом юрты. Я перенесся уже в чисто-Азиятскую сферу: толпы Татаров и Киргиз, полунагия дети, тьма собак, стада овец и коз, несколько верблюдов, а далее — голая степь.

Еще раз окинув прощальным взором город, реку и пеструю толпу, я велел ехать. Зазвенел колокольчик, и я ринулся в безпредельную даль степи, покрытой тощею растительностию на солончаковой почве. Однообразно раздавался звук *дара Валдая*, да топот лихой тройки и скок конвойных казаков—а впереди все тихо и мертво; нигде не видно и ворона, не слышно песни жаворонка. Вдали, вправо от дороги, синеют две сопки отсталыя от хребта Тарабогатая, а кругом — равнина. Через полтора часа быстрой езды увидел я у пригорка, близ тощаго протока, одинокую белую избу, рисовавшуюся все ближе и ближе — это пикет. Урядник прописал подорожную, лошадей переменили, конвой сменился и еще промелькнули передо мной 30 верст степной равнины. Далее — тоже....

Какое-то грустное чувство одиночества запало въ душу: мнѣ казалось — я осужденъ безъ цѣли нестись по безпредѣльному пространству, не видѣть болѣе людей и никогда не обнять милыхъ сердцу. Не съ кѣмъ перемолвить слова; глаза прослѣдятъ степную даль — и негдѣ имъ остановиться: степь слилася съ небомъ, и ни облачка на небѣ. Но вотъ опять темная точка; все болѣе и болѣе она приближается... Вотъ обрисовалась бѣлой избой; послышался лай собакъ, зашевелились около пикета и опять полусонный урядникъ распорядился моимъ путешествіемъ. Уже стемнѣло; я хотѣлъ пить чай, но «вода здѣсь солона, а черезъ два пикета у Аркетскаго, есть колодезь» — сказалъ урядникъ. Я спѣшилъ выбраться какъ-бы изъ мертвой земли, и несся какъ птица лихими конями. Ночь была тиха и мрачна, когда я пріѣхалъ на Аркетскій пикетъ. Вода скоро вскипѣла въ чугунномъ чайникѣ и чай показался мнѣ чрезвычайно ароматнымъ и вкуснымъ. Я остался до утра отдохнуть. Мошки и насѣкомыя разнаго рода выгнали меня изъ комнаты. Я завернулся въ шинель и сладко уснулъ подъ пѣсни комаровъ въ тарантасѣ. Прохлада утра прогнала мой сонъ; комары снова начинали жужжать около уха и свѣтъ одолѣлъ ночную темноту. Я выглянулъ изъ моего ковчега и прекрасная окрестность привѣтствовала меня со всѣхъ сторонъ. Какъ на ладони, среди степной равнины я увидѣлъ въ туманѣ фіолетовыя горы съ причудливыми отрогами, рисовавшими на лазури неба самые фантастическіе замки — это Аркетскія горы. Я поднялъ на ноги казаковъ, велѣлъ согрѣть чайникъ

и готовить лошадей, а самъ, умывшись у прозрачнаго ключа, пошелъ на возвышеніе, откуда видъ на горы обширнѣе и восхитительнѣе. Этотъ видъ живописныхъ горъ, никогда прежде невиданныхъ мною, свѣжесть и тишина утра, восходящее солнце, золотившее прелестную окрестность, все это наполнило сердце неописаннымъ восторгомъ. Я впивалъ воздухъ свѣжаго утра, впивался взорами въ прекрасную природу и тутъ-же прочелъ утреннюю молитву, которая, среди тишины окружавшей меня, казалось вознеслась скорѣе чѣмъ гдѣ-либо къ Тому, Кто пробудилъ ее Своимъ чуднымъ твореніемъ. Не хотѣлось оторваться отъ величественнаго зрѣлища. Я измѣрялъ взоромъ долину до чудныхъ горъ, думалъ ее пробѣжать въ полчаса, чтобы оттуда прослѣдить всю цѣпь волшебныхъ замкомъ, такъ плѣнительно высившихся одинъ-надъ-другимъ и облитыхъ золотомъ и пурпуромъ восходящаго солнца. — «Лошади готовы, ваше благородіе,» сказалъ подошедшій ко мнѣ урядникъ. — «Хорошо, братецъ. А далеко до этихъ горъ?» — «Верстъ шесть будетъ.» — Что, тамъ хорошо? — «Нешто, ваше благородіе. Есть трава, тополь, джигда, малинникъ и всякій звѣрь водится.» — Какой же тамъ звѣрь? — «Да всякій, ваше благородіе: медвѣдь, маранъ, архаръ, кабанъ, сайга, всякаго довольно.» — Что-жъ вы охотитесь? — спросилъ опять я. — «Намъ некогда, ваше благородіе, а Киргизы бьютъ. Они теперь по щелямъ пасутъ скотъ, а въ степи комаръ да мошка одолѣваютъ.» — Я уже поворотился, чтобы идти къ пикету, какъ увидѣлъ двѣ движущіяся точки у подножія ближайшей скалы. — Что это? —

спросилъ я.—«Это Киргизы на верблюдахъ.» — Куда-жъ они ѣдутъ? — «Гонятъ намъ барановъ на пикетъ.» — Я думаю, вы очень дешево покупаете у нихъ?—Казакъ улыбнулся и сказалъ: «Нынче, ваше благородіе, Киргизъ знаетъ деньги лучше насъ и дешево ничего не дастъ. По полуторѣ рубля серебромъ дали за голову.»

Между тѣмъ мы подошли къ пикету. Я выпилъ стаканъ чаю, сидя на завалинкѣ. Разскащику-казаку я далъ также стаканъ и пошелъ осмотрѣть пикетъ. Онъ представляетъ квадратъ саженъ въ сорокъ, обнесенный рвомъ; казарма раздѣлена на двѣ половины воротами; въ одной — помѣщеніе для проѣзжающихъ и для начальника, а въ другой — кухня и комната, коекъ на двадцать. Здѣсь-же оружіе и всѣ пожитки казаковъ размѣщены въ порядкѣ. Окна съ бойницами въ строеніи служатъ оборонительной мѣрой, равно какъ и сараи, занимающіе три стороны квадрата, обнесеннаго рвомъ сажени въ полторы шириною. Укрѣпленные такимъ образомъ пикеты неприступны для полудикихъ Киргизъ. Были примѣры, что двадцать казаковъ отстрѣливались въ чистомъ полѣ отъ 600 непріятелей.

Я вышелъ садиться въ тарантасъ, но лошади были еще не заложены. — Что это значитъ?— спросилъ я урядника.

«Извольте садиться, ваше благородіе, лошадей пристегнемъ; онѣ смирны, да маленько не привыкши.» Я зналъ что это значитъ, и сѣлъ; сѣлъ и человѣкъ мой и ямщикъ. Мигомъ казаки стреножили и повалили коренную лошадь, задѣли за гужи, приподняли, завозжали и повисли у ней на ушахъ и гривѣ. Съ пристяжными тоже самое: наки-

нули шлейки, завозжали и держали, оборотя мордами къ колесамъ. Ямщикъ, забравъ возжи, сказалъ: «Готовъ—пускай!» и все—люди и лошади ринулись. Саженъ черезъ 10 казаки бросили уздцы и уши сердитыхъ коней, которые отряхнувшись понеслись во всю прыть. Стукъ экипажа, звонъ колокольчика и пыль — слились вмѣстѣ въ какой-то хаосъ, въ которомъ я понесся. — Чрезъ нѣсколько минутъ я оглянулся назадъ: пикета уже не видно; а горы Аркетскія, позлащенныя лучами солнца, все удалялись и синѣли, становясь ниже и ниже; я простился съ ними, быстро несясь по гладкой степи. Опять однообразно разостлалась передо мной равнина, покрытая тополемъ и тощимъ кипцомъ; изрѣдка завидѣлось въ синѣющей дали что-то похожее на движущуюся точку: то было или стадо быстрыхъ сайгъ, несущихся къ водѣ, или перекочевка Киргизъ. Мнѣ случилось встрѣтить близъ дороги перекочевку. Впереди нѣсколько всадниковъ, бѣдно-одѣтыхъ, почти полунагихъ, съ длинными шестами гонятъ табунъ; кони отъ жара и мошекъ мотаютъ на бѣгу головами и ржатъ. Далѣе тянется въ два ряда строй навьюченныхъ верблюдовъ; на вьюкахъ сидятъ женщины подъ бѣлыми покрывалами и дѣти ихъ, которыхъ крикъ и смѣхъ сливается съ говоромъ старшихъ.

Киргизы-хозяева, въ высокихъ шапкахъ, ѣдутъ на рѣзвыхъ иноходцахъ, называемыхъ *бѣгунцами;* нѣкоторыя женщины помоложе также ѣдутъ верхомъ по-мужски; слышны топотъ, говоръ и протяжный ревъ верблюдовъ. Собаки борзой породы сторожатъ своихъ хозяевъ,—а тутъ

нагій мальчишка на коровѣ верхомъ гонитъ стадо овецъ. Чтобы ближе посмотрѣть на эту полудикую картину, я остановился. Ко мнѣ подъѣхалъ на буланомъ бѣгунцѣ пожилой Киргизъ, выразительной наружности, въ пестромъ халатѣ и бархатныхъ чембарахъ. Онъ снялъ высокую краснаго сукна съ мѣховой опушкой шапку и мы раскланялись. Ямщикъ-казакъ былъ моимъ переводчикомъ. — Попроси кумысу, — сказалъ я. — «Кумысъ баръ» спросилъ казакъ, т. е. нѣтъ-ли кумыса? Киргизъ кивнулъ головой, скоро проговорилъ отвѣтъ, подскакалъ къ верблюду, на которомъ между множествомъ вьюковъ сидѣла старуха съ двумя дѣвочками, и возвратился съ большой чашей пѣнистаго кумыса. Было жарко, я съ удовольствіемъ выпилъ залпомъ этотъ нектаръ степи, поблагодарилъ и предложилъ деньги; но Киргизецъ очень обидѣлся моимъ предложеніемъ и сказалъ: «Богъ даетъ пищу для всѣхъ и велитъ жаждущихъ поить; у насъ нѣтъ продажнаго гостепріимства и вѣрно молодой господинъ еще не жилъ въ нашей степи.» Такая рѣчь смѣшала меня немножко, но чтобы не сразу сдаться его краснорѣчію, я велѣлъ сказать, что и нашъ законъ велитъ кормить и поить странника и бѣднаго, но я въ состояніи заплатить за услугу, и конечно бы не предложилъ этой платы у него въ гостяхъ. «Но ты путешественникъ, гость нашей степи,» сказалъ Арасланъ, «и для меня честь тебя угощать.» Тутъ же подъѣхало нѣсколько всадниковъ. Одинъ изъ нихъ, молодой красивый брюнетъ, держалъ на рукѣ огромнаго беркута, — большаго сѣраго орла.

Я любовался гордой птицей и просилъ снять съ глазъ

его красный колпачекъ. Беркутъ, казалось, пронзилъ пространство однимъ острымъ взглядомъ, поворачивалъ голову и пищалъ, впуская огромныя когти въ толстый нарукавникъ изъ кожи и кошмы (войлока). Эти птицы приученныя къ охотѣ, дорого цѣнятся Киргизами: онѣ на всемъ бѣгу ловятъ лисицъ, хватая одной лапой за шею, а другою—у хвоста. Стиснувъ обѣ сильныя лапы свои, они убиваютъ лисицу. Беркуты бываютъ такъ сильны, что останавливаютъ волковъ на бѣгу, впившись въ шею одной лапой и цѣпляясь другой за землю. Поблагодаривъ Араслана за его угощеніе, я пожелалъ ему счастливой кочевки и мы разстались, обмѣнившись привѣтствіями.

Есть встрѣчи въ жизни мгновенныя, но неизгладимыя; такъ и эта степная сцена живо осталась у меня навсегда въ памяти. Какъ жаль, что я не живописецъ: мнѣ бы хотѣлось передать на бумагѣ или на полотнѣ этотъ караванъ въ степи, среди знойнаго безоблачнаго неба, эту пеструю и дикую, но гармонирующую съ природой толпу, эти группы животныхъ, эти выразительныя позы и лица людей, промелькнувшихъ у меня какъ въ сновидѣніи.

Приближаясь къ Аягузу, виднѣются отроги Тарабогатая; степь дѣлается волнистою; кое-гдѣ она покрыта колючимъ кустарникомъ джигуна среди полыни, кипца и какой-то жесткой травы темнаго и даже бураго цвѣта. Вдали, направо отъ дороги, видны насыпи и пирамиды, сложенныя изъ камня, или глиняныя постройки въ родѣ небольшихъ крѣпостей съ башенками по угламъ,—это могилы знатныхъ Киргизовъ. Съ иными изъ нихъ соединяются преданія подвиговъ

и несчастій цѣлыхъ родовъ. Вотъ большая четырехъ-угольная могила, съ затѣйливыми башенками; она называется Баянсулу-Казыкурпечь; о ней разсказываютъ печальное преданіе. Прошло гораздо болѣе ста лѣтъ, какъ жили и враждовали въ этихъ мѣстахъ два знаменитые рода хановъ Купура и Тимура. Барантой они жестоко вредили одинъ другому. Молодой Баянсулу въ одинъ счастливый набѣгъ съ отцомъ своимъ Купуромъ взялъ въ плѣнъ прекрасную Казыкурпечь, дочь врага ихъ — Тимура, и полюбивъ ее, далъ ей свободу, за что отецъ едва не лишилъ его жизни. Но Баянсулу спасся бѣгствомъ съ вѣрными ему слугами и рѣшился искать счастія и милости у своего противника Тимуръ-хана, къ которому отправилъ гонца съ просьбой о мирѣ и дружбѣ. Гордый и злой Тимуръ заключилъ дочь въ яму, а вмѣсто отвѣта прислалъ Баянсулу голову бѣднаго слуги его. Долго скитался по степи несчастливецъ, отвергнутый сосѣдомъ, которому такъ великодушно предавался. Страсть полудикаго Баянсулу все болѣе разгоралась, месть къ неумолимому врагу кипѣла въ груди его и онъ въ безсиліи мучился, думая о бѣдной своей невѣстѣ. Несчастіе еще болѣе сблизило его съ вѣрными его слугами: они помогли ему набрать шайку удальцевъ — и съ ними-то Баянсулу дѣлилъ свое изгнаніе изъ родной семьи и опасности отчаянной баранты, которою они существовали. Заходящее солнце покрыло пурпуромъ долину и облило розовымъ свѣтомъ вдали-синѣющія горы. Сидѣлъ задумчиво-грустно Баянсула, какъ предъ нимъ явился слѣпой старикъ въ руби-

щѣ, съ полунагимъ мальчикомъ-проводникомъ. Это былъ степной бандуристъ, переходившій отъ аула къ аулу, гдѣ его принимали какъ гостя посланнаго пророкомъ. Онъ пѣлъ стихи корана, подвиги богатырей, красоту дѣвушекъ и вольную жизнь въ степи безграничной.

Этотъ пѣвецъ принесъ Баянсулу печальное извѣстіе о томъ, что прекрасная Курпеча заключена отцомъ въ яму. Сюкъ—такъ звали пѣвца — передалъ это извѣстіе въ жалобной пѣсни, которую пропѣлъ передъ Бояисулою и тѣмъ еще болѣе растерзалъ его страждущее сердце. Но въ тоже время пѣвецъ внушилъ ему и смѣлость напасть на аулъ жестокаго отца и увезти оттуда Курпечу. Баянсулу съ помощію товарищей своихъ исполнилъ это, но жестоко былъ наказанъ за свою дерзость: взбѣшеный отецъ погнался въ погоню за бѣглецами, настигъ ихъ черезъ два дня и съ яростію бросившись на Баянсулу, однимъ ударомъ шашки разсѣкъ ему голову и половину туловища. Съ воплемъ ужаса бросилась бѣдная Курпеча къ погибшему другу, въ одно мгновеніе выхватила изъ за-пояса его ножъ и однимъ ударомъ въ сердце поразила себя, прежде чѣмъ отецъ ея успѣлъ сдѣлать движеніе. Два прекрасные трупа лежали у ногъ Тимура. Не осмѣлившись прикоснуться къ нимъ, онъ велѣлъ тутъ-же зарыть свои жертвы, но друзья Баянсулу воздвигли здѣсь великолѣпную могилу и со всѣми почестями праздновали память несчастной четы.

И долго, говорятъ, видали пастухи двѣ бѣлыя огромныя тѣни, выходившія изъ склепа, и слышали ихъ жалобный плачь въ полночную пору. Въ срединѣ склепа, до сихъ поръ

существующаго, была глиняная группа Баянсулу и Казы-курпечь; но время охладило страшное преданіе и дерзкая рука разбила статую. Я видѣлъ лишь обломки этого изображенія, разбросанные въ сыромъ склепѣ. Есть много легендъ въ Ордѣ на эту плачевную исторію; они разукрашены и искажены степными пѣвцами, переживъ нѣсколько поколѣній слушателей.

Но вотъ уже видна мечеть и сѣренькія строенія Аягуза. Вдали рѣчка блещетъ серебристой змѣйкой, извиваясь между топольникомъ, окаймляющимъ извилистые берега ея. Видъ этотъ чрезвычайно пріятенъ для усталаго глаза, прослѣдившаго огромное пространство пустыни, тощей растительностію и сожженной солнцемъ. Я надѣюсь отдохнуть въ Аягузѣ, стоящемъ въ степи, какъ отрадный оазисъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

(Окончаніе.)

Приказъ и вмѣстѣ крѣпость Аягузская стоитъ на правомъ берегу горной рѣчки Аягуза, служащей первой гранью Семирѣченскаго края, называемаго такъ отъ семи рѣкъ, падающихъ съ хребта Джанъ или Алатау. Аягузъ послѣ теченія то бурнаго въ горахъ, то спокойнаго среди песковъ, верстахъ въ двухъстахъ отъ своего истока—впадаетъ въ озеро Болхатъ. Въ крѣпости стоитъ отрядъ пѣхоты, а въ станицѣ живутъ нѣсколько сотенъ казаковъ подъ начальствомъ отряднаго начальника, который вмѣстѣ и комендантъ крѣпости. Станица расположена правильными улицами вдоль берега; тутъ же раскинуты юрты Киргизъ, живущихъ всегда близъ казачьихъ станицъ. Выше по рѣкѣ, въ верстѣ разстоянія, раскинулась Татарская слободка, съ опрятными домиками зажиточныхъ торговцевъ, которые ѣздятъ въ Чугучакъ и Кульджу для мѣны рогатаго скота и овецъ своихъ на чай и прочія произведенія, выгодно сбываемыя въ степи, а также въ Семипалатинскѣ и Петропавловскѣ.

По пріѣздѣ моемъ я отдохнулъ отъ дороги и потомъ пошелъ осмотрѣть мѣстность Аягуза. День былъ жаркій; я пошелъ къ рѣкѣ, которая то быстро неслась и шумѣла, то чуть струилась и исчезала въ песчаномъ ложѣ. Обрывистый берегъ ея красовался кустарниками шиповника и тополями; но это не тотъ стройный южный тополь, который поэты упо-

добляютъ стану воспѣваемыхъ ими дѣвъ; напротивъ, этотъ тополь можно уподобить развѣ вѣдьмѣ горбатой и съ всклокоченными волосами. Однакожъ посреди безплодной степи и опаленныхъ горныхъ покатостей и эта зелень рисуется отрадно для глазъ, особенно при обрывистыхъ крутизнахъ берега, о который сердито плещетъ и разсыпается пѣной горная рѣчка. Меня надолго остановилъ видъ горной рѣки, прежде никогда невидѣнной мною. Я любовался ея силой и ея затишью и капризами: она здѣсь быстра и съ шумомъ ворочаетъ огромные камни, а нѣсколько шаговъ далѣе въ сторону поверхность ея неподвижна какъ зеркало и крошечные ребятишки, играя, перебѣгаютъ ее. Отошедъ съ полверсты по берегу, я увидѣлъ казаковъ, которые ловили рыбу бреднемъ. Любо было смотрѣть, какъ эти сильные и ловкіе люди погружались съ отмели вдругъ головой въ кипящую пучину и появлялись вновь изъ воды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была гораздо ниже колѣна и гдѣ плескались дѣти, наполняя окрестность звонкимъ смѣхомъ. Со страхомъ смотрѣлъ я на дѣтей: мнѣ все казалось, что одинъ неосторожный шагъ шалуна —и волна унесетъ его на-вѣки. Я обратился къ казакамъ, сказавъ: «Возьмите отсюда дѣтей—ихъ унесетъ!»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; они всѣ плаваютъ какъ рыбки, а тутъ и куры бродятъ. Пусть себѣ полощутся,—вишь какъ печетъ!»—И дѣйствительно жаръ былъ нестерпимъ, хотя уже вечерѣло. Разспросивъ броду—и я пошелъ въ воду. Никогда купанье не было мнѣ такъ пріятно: вода была холодна и быстрымъ напоромъ какъ бы электризовала тѣло. Мнѣ не хотѣлось оставить свѣтлыя и прохладныя струи, и я понялъ тог-

да веселье и отраду дѣтей, которыя невдалекѣ отъ меня кувыркались и плескались. Но солнце, склонясь къ закату, облило огнемъ рѣку, потомъ начало смеркаться и я поспѣшилъ одѣться и съ купленной у казаковъ маринкой отправиться на квартиру. Рыбка-маринка походитъ на окунь и очень вкусна. Передъ тѣмъ какъ варить ее, надо отрѣзать у ней голову и какъ можно лучше вычистить; иначе она производитъ спазмы и неотвязчивую лихорадку. Я думалъ найти здѣсь форель, но узналъ, что она совсѣмъ не водится ни въ одной изъ семи рѣкъ.

Усталость отъ дороги и купанье подарили меня самымъ сладкимъ сномъ, однако на утро я поднялся съ зарей и погрузился въ кипучій Аягузъ. Чай послѣ купанья — чудная вещь; я наслаждался здѣсь этимъ удовольствіемъ. Не хотѣлось мнѣ оставить Аягузъ: впереди опять степь и дичь; но запасъ жаркаго и хлѣба уложенъ, лошади поданы и я пускаюсь въ дорогу. Проѣхавъ верстъ пять, спустились мы каменнымъ ущельемъ опять къ берегу Аягуза и въѣхали въ бродъ, по ровному песчаному ложу. Вода не заливала осей тарантаса, но онъ покачивался и, казалось, вотъ-вотъ опрокинется отъ быстраго напора летящей массы воды. Меня удивило, что здѣсь на рѣкѣ нѣтъ никакой птицы. Вѣроятно она выводится или прячется въ разливахъ, гдѣ затишь.

Безъ приключеній, но тоскуя однообразіемъ пустынной природы, я къ вечеру прискакалъ на 4-й отъ Аягуза пикетъ Аргонаты. Онъ расположенъ въ горномъ ущелій Аргонатинскаго кряжа, состоящаго изъ гранитныхъ скалъ и зеленоватой земли, осыпающейся къ подошвѣ горъ у прото-

ка, окаймленнаго яркою травкой и цвѣтами мальвы и дикаго шиповника. Видъ пикета веселый и пріятный: среди тишины раздается свистъ перелетающихъ со скалы на скалу *каменныхъ рябчиковъ*; птичекъ, похожихъ на куропатку; они сѣренькіе съ мохнатыми ножками, какъ у голубя. Я застрѣлилъ пару этихъ рябчиковъ и нашелъ, что они удивительно вкусны. По разспросамъ я узналъ, что въ 40 верстахъ отъ пикета находится огромное озеро Балхашь, куда впадаютъ всѣ семь рѣкъ съ вершинъ Алатау, и рѣка Илъ, выходящая изъ Китайскихъ предѣловъ. Озеро это разлилось болѣе чѣмъ на 500 верстъ въ длину и отъ 80 до 130 въ ширину. Оно бурно и неприступно по причинѣ камышей, окаймляющихъ берега его на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Въ этихъ камышахъ всадникъ съ пикой можетъ скрываться какъ въ лѣсу. Вода только при впаденіи рѣкъ годна къ употребленію; остальная масса воды горько-соленая. При закатѣ солнца я съ урядникомъ поднялся верхомъ на крутую возвышенность гранитной горы и оттуда увидѣлъ блестящую поверхность озера; оно казалось мнѣ миражемъ туманной дали въ степной равнинѣ; а окрестныя горы, облитыя румяной зарей, съ ихъ причудливыми формами, дѣлали видъ еще волшебнѣе и наполняли душу ощущеніями невыразимыми. Здѣсь, какъ на Аркатскихъ горахъ, я былъ очарованъ чудной природой. Здѣсь я забылъ трудный путь и однообразіе степи, видъ которой такъ грустенъ для человѣка, непривыкшаго къ ней. Спускаясь по отлогой каменистой дорогѣ въ песчаную долину, я пріѣхалъ къ ночи на рѣку Лепсу, которая глубже и шире Аягуза.

Берега ея покрыты также тополями и поросли цѣлымъ лѣсомъ камыша, гдѣ водятся фазаны, дикіе кабаны и даже тигры. Я видѣлъ здѣсь раненаго тигромъ казака, который самъ разсказалъ мнѣ о своей встрѣчѣ и борьбѣ съ страшнымъ звѣремъ. Осенью прошедшаго года казаки замѣтили на пескѣ слѣды огромнаго звѣря, а потомъ не разъ видѣли тигрицу съ двумя дѣтьми, рыскавшими близь пикета на противуположномъ берегу Лепсы. Казаки собрались однажды на охоту за кабанами, отъѣхали не болѣе двухъ верстъ, какъ одинъ изъ нихъ наѣхалъ въ густомъ камышѣ на лежащаго огромнаго тигра, который, вытянувшись въ травѣ, сверкалъ глазами и махалъ хвостомъ, не спуская страшнаго взгляда съ неожиданнаго гостя. Казакъ прицѣлился изъ ружья, но прежде нежели успѣлъ спустить курокъ, какъ тигръ однимъ прыжкомъ сшибъ съ ногъ оторопѣвшую лошадь и бросился на казака, который лѣвую руку всунулъ въ пасть звѣря, а правою выхватилъ изъ-за пояса топоръ и взмахнулъ имъ надъ головой тигра; но звѣрь изранивъ до локтя руку неустрашимаго казака, уже скрылся въ камышѣ. Это случилось въ нѣсколько мгновеній, такъ что товарищи, прискакавшіе на зовъ казака и видя его окровавленнаго, удивлялись, не слышавъ даже шороха отъ этой ужасной сцены.

Съ первымъ снѣгомъ Киргизы охотятся здѣсь на фазановъ, которые въ это время очень жирны и тяжелы, не летаютъ далѣе 50 шаговъ и прячутся растянувшись на пескѣ; ихъ бьютъ палками по нѣскольку десятковъ въ часъ и продаютъ по три руб. сер. за сотню. Этой дешеви-

зни способствуетъ, конечно, и недостатокъ сбыта. Въ О*... мы получаемъ фазановъ въ гостинецъ отъ степныхъ нашихъ знакомыхъ. Отъ рѣки Лепсы степь дѣлается еще бѣднѣе растительностію: кое-гдѣ по солончаковой равнинѣ торчитъ тощая полынь и колючіе кусточки, которые однако-же во время зимы питаютъ огромныя стада овецъ и верблюдовъ. Вотъ еще шумитъ горная быстрая рѣчка Басканъ. Ея мутныя волны несутъ съ собою илъ и она представляетъ видъ черной, быстро ползучей змѣи. Къ тарантасу моему припрягли около 10 лошадей, казаки подхватили его арканами по бокамъ и съ шумомъ и гикомъ мы ринулись въ мутный бродъ. Вода захлеснула въ тарантасъ; но казаки уже предупредили меня и на себѣ перенесли весь мой походный багажъ, а я верхомъ переправился черезъ бродъ на лихой лошадкѣ, которая фыркая, вынесла меня на другой берегъ. Проѣхавъ нѣсколько скучныхъ песчаныхъ станцій, я пріѣхалъ на рѣку Оксу, напомнившую мнѣ видами береговъ и также стремленіемъ чистой воды и быстрой черезъ нее переправой на паромѣ — рѣку Лепсу, на которой, какъ и здѣсь, такъ много удобствъ для будущаго населенія; но теперь и здѣсь, какъ и тамъ, пустыня, отрадная только мечтамъ путешественника. Отсюда, какъ тучи, виднѣются вершины хребта Джанъ или Алатау. Съ приближеніемъ къ нему открывается волшебная панорама, въ которой постепенно возвышается гряда фіолетовыхъ гигантовъ съ снѣжными вершинами. Чего не передумаешь и чего не перечувствуешь, созерцая эту дивную картину! И какимъ ничтожнымъ покажешься самъ, видя громадныя чудеса руки Божіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, возносясь къ Твор-

цу этихъ чудесъ, сознаешь, что и ты звено всемірнаго созданія, одаренное жизнію и понятіемъ о всемъ созданномъ!

Съ каждымъ поворотомъ дороги мѣняются чудные виды горъ. Какъ мнѣ хотѣлось уловить ихъ и оставить навсегда въ памяти; но они, какъ очарованные, исчезали и снова являлись въ картинныхъ превращеніяхъ, пока сумракъ ночи не скрылъ все подъ одной темносиней пеленой. На другой день я спѣшилъ пуститься въ дорогу поранѣе; оставалось только два пикета до Арасана — цѣли моей поѣздки. Мы дѣлаемся тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ ближе подвигаемся къ концу нашего путешествія. Я мчался по долинѣ, понижающейся къ рѣкѣ Карасу, которая живописно затопила подошву возвышеннаго кряжа горъ; передо мною былъ и каменный подъемъ Кисикаусъ.

Съ Карасуйскаго пикета посылаются впередъ къ подъему Кисикаусъ, вмѣстѣ съ конвойными казаками, и заводскія лошади, потому что гора очень высока и крута. Когда мы пріѣхали къ ущелью, то увидѣли много подводъ съ провіантомъ. Возы, запряженные въ четыре и болѣе лошадей, поднимались по одному въ гору. Бѣдныя лошади часто останавливались и въ безсиліи готовы были спустить повозку въ низъ; но возчики тотчасъ подкладывали камни подъ колеса, и онѣ снова двигались и снова отдыхали. Я думалъ, что мой тарантасъ не подымутъ и двадцать лошадей; но къ тройкѣ подпрягли еще двѣ пары, конвойные казаки подцѣпили съ боковъ арканы и мой тарантасъ поползъ въ гору, какъ черный жукъ. Я ѣхалъ верхомъ позади, наблюдая, чтобы казаки не мучили бѣдныхъ лошадей. Между тѣмъ я оглянулся

назадъ, гдѣ какъ муравьи показались мнѣ оставленные внизу обозы. На полугорѣ я увидѣлъ ключь въ природномъ гранитномъ бассейнѣ, откуда струилась, какъ кристаллъ, чистая, прохладная вода и, выливаясь черезъ верхъ, катилась внизъ незамѣтной струйкой. Я слѣзъ съ коня, наклонился къ колодцу и съ наслажденіемъ пилъ чудную воду; мой конь также протянулъ морду, я далъ ему напиться, но едва могъ оторвать его отъ воды и пустился въ скачь въ гору. Мой тарантасъ былъ уже на вершинѣ Кисикауса; казаки отпрягали лишнихъ лошадей. Я велѣлъ затормазить экипажъ, а самъ поѣхалъ къ обрыву скалистаго утеса; оттуда я увидѣлъ картину дикую, печальную, но величественную: внизу, какъ въ туманѣ, разстилалась сизой пеленой подошва горы; далѣе тянулась безграничная степь, сливаясь съ безоблачнымъ небомъ. На этомъ пространствѣ я могъ только разглядѣть три знакомыя точки: оставленные мною пикеты, изъ которыхъ отдаленнѣйшій отстоитъ отсюда по крайней мѣрѣ на 100 верстъ. Въ право предо мною причудливо раскинулся восхитительный хребетъ Алатау съ своими снѣжными вершинами, отъ которыхъ такъ и вѣяло прохладой ледника. Ниже снѣжной черты горы блестѣли розовыми и фіолетовыми полосами; еще ниже — зеленоватыми; самый же лѣсъ казался синими пятнами по скатамъ скалъ и по разсѣлинамъ, рисовавшимся едва замѣтными черточками. Я опять забылся при созерцаніи этой величественной природы, пока не пробудили меня крики погонщиковъ, повторяемые эхомъ гранитныхъ ущелій. Я вспомнилъ, что пора мнѣ окончить мой путь и разстался съ горнымъ видомъ, какъ

съ человѣкомъ, которому сказалъ: «*Досвиданія!*» и тутъ-же далъ себѣ обѣщаніе непремѣнно побывать на вершинѣ Алатау. Спускъ съ Кисикауса въ долину Капальскую не крутъ; есть, правда нѣсколько неожиданныхъ крутыхъ и обрывистыхъ поворотовъ, но лихіе казаки миновали ихъ благополучно. Здѣсь представилась мнѣ картина чудесно-свѣжей растительности, которая была тѣмъ плѣнительнѣе для моихъ глазъ, что я уже отвыкъ видѣть даже травку, проѣхавъ отъ самой линіи Иртыша болѣе 600 верстъ безплодною степью. Все было покрыто кругомъ самою яркою зеленью и разнородными цвѣтами, красовавшимися въ озимой травѣ и кустарникахъ, покрывавшихъ южную покатость Кисикауса. Цѣлые табуны лошадей съ наслажденіемъ щипали кормъ и отдыхали отъ трудовъ и изнуренія послѣ безплодныхъ степей, которыя прошли съ грузомъ.

Люди съ веселыми лицами сидѣли группами у своихъ повозокъ; иные варили пищу, другіе отдыхали. И мнѣ хотѣлось, глядя на нихъ, также сѣсть въ ихъ кружокъ и надолго остаться съ ними въ этомъ живописномъ и привольномъ мѣстѣ; но моя тройка пустилась въ скачь подъ горку; передъ глазами моими промелькнуло много отдыхающихъ группъ съ ихъ изнуренными лошадками и быками. Черезъ часъ я спустился быстро съ возвышенности Кисикауса по прекрасной дорогѣ къ шумной рѣчкѣ Біени, которая прыгала и пѣнилась, ворочая камни съ ревомъ водопада. Ширина ея не болѣе 10 сажень и бродъ ея не заливалъ осей; но брызги обдали насъ, когда мы въ нее спустились, и казалось, что сердитая рѣка унесетъ насъ. Привычные кони

фыркая, прыгали въ пѣнѣ сильной волны и быстро вынесли мой тарантасъ на другой берегъ. Весело приближался я къ Теплоключенскому пикету или Арасану, стоявшему бѣлой точкой предо мною, верстахъ въ трехъ. Справа и слѣва у береговъ Біени разстилалась яркая зелень посѣвовъ пшеницы и проса; прямо до самыхъ горъ пестрѣла долина роскошною зеленью и цвѣтами, и горы казались мнѣ очень близки; въ нихъ ясно можно было разсмотрѣть сосновыя рощи по скатамъ и веселыя долины, казавшіяся мнѣ прежде темными черточками. «Далеко-ли до горъ?» спросилъ я казака. —«Верстъ 25, не то и всѣ 30 будетъ,» отвѣчалъ онъ оборотясь, какъ бы для измѣренія пространства до горъ. Но вотъ и Арасанъ! Я подъѣхалъ къ пикету мимо длиннаго строенія купальни, окруженной множествомъ кучъ, сложенныхъ изъ камней — это старыя могилы Киргизовъ. Пикетъ такой-же, какъ и прочіе: домъ съ бойницами, раздѣленный воротами на двѣ половины; дворъ съ сараями и все окопано рвомъ и насыпью. Отъ пикета къ купальнѣ стоитъ около десятка юртъ. Урядникъ встрѣтилъ меня и провелъ къ прекрасной приготовленной для меня юртѣ, въ 20 шагахъ отъ купальни. Я распорядился устройствомъ моего степнаго замка, а самъ поспѣшилъ въ купальню, которая раздѣлена на двѣ части — верхнюю и нижнюю; первая назначена для ваннъ пріѣзжихъ, а вторая для солдатъ и простаго народа пользующихся на Арасанѣ. Когда вошелъ я въ верхнее отдѣленіе, меня обдало теплыми парами сѣры; съ помоста купальни я увидѣлъ прозрачный колодезь зеленоватаго цвѣта въ полторы квадратныя сажени. Онъ дымился паромъ, но

былъ такъ прозраченъ, что всякая песчинка на днѣ его видна была какъ черезъ чистое стекло, а камни, покрытые сѣрнымъ иломъ, были какъ-бы на поверхности; изъ-подъ нихъ жемчужными нитями прыгали пузырьки: одни исчезали на поверхности, другіе своей чередой смѣняли ихъ и въ свою очередь исчезали. Эта игра живой природы восхищала меня: мнѣ казалось, что всякая струйка этой воды должна давать новую жизнь больному организму. Я попробовалъ воду: она на вкусъ прѣсна, довольно тепла и имѣетъ запахъ сѣры уже тогда, когда ее проглотишь. Три ступеньки спускаются ко дну ключа, который глубиной почти въ аршинъ. Температура воды 29° Р. и показалась при первомъ прикосновеніи очень горяча, но потомъ эта теплота была такъ пріятна, что мнѣ не хотѣлось выйти изъ ванны. Я пробылъ около часа въ источникѣ, потомъ одѣлся тепло и пошелъ ходить какъ могъ, даже принуждая себя, по совѣту доктора, который сказалъ, что при купаньи необходимъ моціонъ до испарины и этимъ только можно выгнать ревматизмъ. Прогулка моя, на первый разъ, была недалека: я старался осмотрѣть мѣстность Арасана. На сѣверъ, въ разстояніи версты, шумѣла рѣчка Біень у подошвы голыхъ гранитныхъ горъ Кизилъ-агачъ; къ востоку и западу тянулась долина, пересѣкаемая искуственными арыками (канавками) для орошенія полей, вырытыми еще за 200 слишкомъ лѣтъ Калмыками; къ сѣверу долина повышалась постепенно до самой подошвы Алатау, тянувшагося живописной грядой съ востока на западъ и исчезавшаго покатостію на горизонтѣ. Около главнаго сѣрнаго ключа

есть еще нѣсколько менѣе теплыхъ колодезей и даже холодныхъ, градусовъ въ шесть. Изъ ключей этихъ чуть замѣтнымъ протокомъ идетъ вода и питаетъ на довольно крутой покатости болото, которое, понижаясь къ р. Біени, незамѣтно исчезаетъ, всасываясь въ почву. Съ отдыхами я прошелся до самой Біени и долго любовался ея пѣнистой волной, вслушивался въ ея шумъ, который навѣваетъ раздумье о живой силѣ природы. Противъ меня на другомъ берегу высились гранитныя скалы мертвой массой, а у ногъ кипѣла жизнь и пестрѣли цвѣты въ яркой зелени; кое-гдѣ по берегу раскинулись кусты тальника и дикаго шиповника. Все кругомъ дико и печально, какъ-бы въ ожиданіи человѣка-воздѣлывателя; но давнія могилы, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, напоминаютъ, что и здѣсь были люди и жизнь ихъ пронеслась, какъ неслась вѣтка на волнѣ, за которой я слѣдилъ въ это мгновеніе. Мнѣ стало грустно. Я пошелъ обратно къ пикету; онъ былъ скрытъ подъемомъ покатости, а виднѣлись мнѣ лишь отдаленныя снѣговыя вершины Алатау.

Возвратясь на пикетъ, я нашелъ мою юрту совершенно устроенною: на полу была бѣлая кошма, * которая не пропускала сырости. Подлѣ кровати, на-скоро составленной изъ двухъ досокъ на двухъ большихъ камняхъ, стоялъ столикъ и на немъ кипящій самоваръ; съ другой стороны стола—сундукисъ моей поклажей, покрытые Азіятскимъ ковриком, пред-

* Войлокъ.

ставляли довольно удобный диванъ; а въ углу юрты, у входа былъ вырытъ погребокъ для провизіи, прикрытый свѣжимъ дерномъ. На порогѣ радостно встрѣтилъ меня мой вѣрный Нептунъ, прекрасная Курляндская собака. Все было въ духѣ степной жизни и я остался очень доволенъ. Солнце садилось, я поспѣшилъ взять ванну, послѣ которой чай показался мнѣ нектаромъ.

Замолкли пѣсни и говоръ казаковъ у артельнаго котла выздоравливающихъ солдатъ. Мало-по-малу все стихло и я заснулъ подъ шумъ Біени, походившій на шумъ водопада. Не помню, что мнѣ снилось на новоселью; но разбудилъ меня лай моего Нептуна, который ворчалъ и рвался изъ двери юрты. Я услышалъ шорохъ за дверью и лишь только всталъ, какъ мой Нептунъ бросился и отогналъ нѣсколькихъ овецъ, глупо столпившихся у моей юрты. На дворѣ чуть брезжилъ разсвѣтъ, долина была покрыта туманомъ. Вскорѣ зарумянился востокъ, пѣтухъ пропѣлъ зарю съ высоты моего тарантаса, на которомъ безцеремонно расположилась вся куриная семья, и опять тишина ночи оглашаема была лишь ревомъ Біени.

Съ разсвѣтомъ и сонъ мой улетѣлъ. Я расположился съ порога моей юрты наблюдать восхожденіе солнца, обратясь къ выходящимъ изъ мрака вершинамъ Алатау. Чудесная картина постепенно развертывалась, тѣнь сбѣгала съ покрытыхъ туманомъ горъ и яркій пурпуръ вдругъ обнялъ ихъ такъ восхитительно, что душа просилась въ этотъ чертогъ Божьей руки. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ дня проснулись и люди: казакъ погналъ на пастьбу табунъ лошадей;

ихъ веселое ржаніе повторилось эхомъ; два больные солдата идутъ, опираясь на костыли, въ купальню. Пора и мнѣ погрузиться въ цѣлительный Арасанъ. Источникъ дымился и пѣнился пузырьками, взбѣгающими на прозрачную поверхность; я погрузился въ него и чуть не вскрикнулъ, такъ горяча показалась мнѣ вода въ немъ, вѣроятно отъ разности температуры ея съ утреннимъ воздухомъ. Черезъ полтора часа я пошелъ гулять въ противуположную сторону вчерашней моей прогулки, т. е. прямо къ горамъ Алатау, столько плѣнявшимъ меня. Утро было ясное и теплое, но солнце еще не палило. Я миновалъ нѣсколько десятковъ каменныхъ бугровъ-могилъ и нашелъ степь уже выжженною южнымъ солнцемъ. Посохшій ковыль не шевелился среди тишины и какъ-бы замеръ до будущей весны. Только выскакавшіе безпрестано у меня изъ-подъ ногъ жаворонки, трепеща въ воздухѣ, пѣли ту радостную трель, которая напоминаетъ весну и заставляетъ взглянуть на голубое небо съ особеннымъ наслажденьемъ въ сердцѣ. — Есть минуты, когда отрадно одиноко бесѣдовать съ природой, наблюдать каждую травку, каждый цвѣтокъ, каждый камушекъ и мечтать, глядя съ наслажденіемъ въ даль даже не живописной окрестности; но гутъ-же является и желаніе высказать кому нибудь свои ощущенія и невольно вспомнишь о близкихъ сердцу людяхъ и улетишь воображеніемъ за нѣсколько тысячъ верстъ. Эти воспоминанія о дняхъ, проведенныхъ среди родной семьи, навѣяли на меня грустное чувство, а между тѣмъ солнце жгло, каменистая почва раскалилась и физическое утомленіе соединилось съ душевнымъ. Я съѣлъ отдох-

нуть на гранитномъ утесѣ. Все кругомъ было тихо, только печальный крикъ журавлей въ поднебесьи раздался на нѣсколько мгновеній и замеръ въ тиши.

Куда полетѣли эти перелетныя птицы, не на мою-ли родину? Я позавидовалъ ихъ быстрому полету и далеко слѣдилъ ихъ вереницу, пока она не исчезла въ воздухѣ, какъ исчезаетъ пролетѣвшая паутина. Я вышелъ изъ минутной мечтательности моей и пошелъ обратно къ пикету. Въ юртѣ ожидалъ меня обѣдъ: супъ изъ каменныхъ рябчиковъ, жаркое—тѣ-же рябчики и компотъ изъ алибухары, урюка и кишмыша, произведеній Бухары, которыя здѣсь чрезвычайно дешевы. Все это приготовлено были рукой новаго повара-деньщика моего; аппетитъ былъ лучшей приправой моего обѣда и я остался очень доволенъ степной моей кухней.

Время мое распредѣлено было на четыре ванны и четыре довольно продолжительныя прогулки. Разнообразить эти прогулки было для меня довольно трудно, потому что я еще не могъ много ходить, а передъ вечеромъ ѣздилъ верхомъ, когда въ состояніи былъ сѣсть на лошадь. Сначала провожалъ меня урядникъ, который по-своему описывалъ мнѣ красоты здѣшняго края, а главное,—указывалъ мнѣ мѣстность, пока я самъ не ознакомился съ нею. Въ первую поѣздку я былъ на остаткахъ Калмыцкой крѣпости, замѣтной еще по пологому рву и насыпи у рѣки Біени, верстахъ въ трехъ отъ пикета. Теперь казаки косили тамъ сѣно.

Преданіе говоритъ, что здѣсь было послѣднее кровавое побоище Киргизъ съ Калмыками, послѣ котораго Калмыки откочевали навсегда съ этихъ мѣстъ. Потомъ мы проѣхали

пашнями, которыя поразили меня своимъ плодородіемъ на каменистой почвѣ: кругомъ ихъ была сожженная трава, а онѣ выспились густою зеленью, орошаемыя арыками (канавками), проведенными изъ Біени. Пшеница и просо родятъ здѣсь сам-сто; если урожай на половину бываетъ (т. е. сам 50), то это считаютъ неурожаемъ. Здѣшніе казаки, еще не привыкшіе къ хлѣбопашеству, не цѣнятъ такого богатства и лѣниво занимаются своими пашнями, между тѣмъ какъ четверть ржаной муки стоитъ на Капалѣ 7 и 8 руб. сер. Часто я гулялъ вверхъ по берегу Біени; я любилъ неумолкаемый ея говоръ, ея крутые неожиданные повороты и причудливыя прибрежья. Часто случалось спускаться мнѣ къ самому руслу ея, чтобы напиться ея прохладной струи, и тогда любовался я цвѣтными камешками, полированными ея могучей волной. Между галькой я старался найти бѣлый кварцъ—признакъ мѣсторожденія золота; но порода камней попадалась мнѣ гранитная, такъ что наглядныя мои изысканія были напрасны. Въ это лѣто горный офицеръ съ партіею дѣлалъ первые поиски въ хребтѣ Алатау, и въ горахъ, прилегающихъ къ нашей степи, не нашлось признаковъ золотыхъ мѣсторожденій; а слышно отъ Киргизъ, что покатость къ Китаю обильна ими, но разработкою ихъ тамъ не занимаются.—Кромѣ необходимаго мнѣ моціона и развлеченія я находилъ удовольствіе въ моихъ прогулкахъ верхомъ и началъ цѣнить тощихъ, некрасивыхъ Киргизскихъ лошадокъ. Нѣтъ такого подъема и такого спуска въ горахъ, который бы испугалъ Киргизскую лошадь: по самой неровной мѣстности, гдѣ нельзя думать ѣхать рысцой на нашей лошади, смѣло скачешь на Киргизской, отдавъ

повода. Она несется через рытвины и овраги, какъ серна; не спотыкаясь и, не задерживая бѣга, по инстинкту и привычкѣ; безъ малѣйшей остановки перескакиваетъ канавки въ аршинъ и болѣе шириной. Лѣто было постоянно жаркое въ двѣ недѣли моего здѣшняго пребыванія; къ концу іюня степь была уже сожжена и снова зазеленѣла послѣ дождя, продолжавшагося не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Я всегда радуюсь, когда завижу тучку надъ снѣжной вершиной Алатау и услышу отдаленные перекаты грома; тучка быстро разрастается, застилаетъ весь горизонтъ и ливень орошаетъ утомленную жаромъ долину; но лишь проглянуло солнце—и снова все сухо; почва здѣшняя, какъ губка, всасываетъ влагу, и черезъ полчаса нѣтъ и слѣдовъ проливнаго дождя. Къ половинѣ іюля здоровье мое поправилось; я собрался сдѣлать поѣздку верхомъ въ горы на кочевку султана Камбара, который пріѣзжалъ на Арасанъ нѣсколько разъ просить меня къ себѣ. Репутація этаго дикаря была не совсѣмъ чиста; онъ считался *батыремъ*, т. е. удальцомъ, въ частыхъ несправедливыхъ набѣгахъ, которыми сдѣлалъ себѣ Киргизскую славу и состояніе въ ордѣ. Съ поселеніемъ казаковъ на Каналѣ Камбаръ присмирѣлъ; слѣдуя Азіятской политикѣ, былъ остороженъ, вкрадчивъ и услужливъ передъ Русскими. Онъ и мнѣ безпрестанно предлагалъ свои услуги; я нанималъ у него корову для молока и покупалъ барановъ для стола,—слѣдовательно не могъ отказаться посѣтить его, да притомъ мнѣ любопытно было видѣть этого батыря въ его семьѣ. Выбравъ день, я съ однимъ казакомъ поѣхалъ рано утромъ прямо степью въ горы, гдѣ виднѣлось бѣлая точка на склонѣ довольно высокой

горы у синѣющаго лѣса. Большіе овраги не были намъ препятствіемъ: мы рысцей спускались и поднимались черезъ нихъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ горамъ, тѣмъ труднѣе была дорога отъ каменныхъ преградъ дикой природы. Кое-гдѣ ручей шумѣлъ и дикая зелень съ множествомъ цвѣтовъ украшали его, а подлѣ—голыя скалы, какъ великаны, заслоняли намъ путь. Пересѣченная обрывами горная мѣстность чрезвычайно занимательна: почти черезъ каждые 100 шаговъ новый неожиданный видъ, и я не замѣтилъ, какъ мы, то спускаясь, то поднимаясь, очутились на значительной высотѣ, что далъ чувствовать и свѣжій, холодный воздухъ, равно какъ и новая растительность: кусты шиповника замѣнились верескомъ, аргаемъ, ельникомъ и березникомъ; вмѣсто царскаго скипетра, душистой мяты и дикихъ гвоздикъ, показались колокольчики въ высокой травѣ; горные источники попадались чаще и потокъ ихъ былъ быстрѣе по крутымъ ребрамъ гранитнаго остова, покрытаго кое-гдѣ мохомъ. Мрачно раскинулся сосновый лѣсъ темной зеленью своею по ущельямъ съ обѣихъ сторонъ тропинки, по которой мы осторожно пробирались на чуткихъ коняхъ. Кое-гдѣ одиноко трепетала листомъ березка, какъ бы пугаясь пропасти, надъ которой она стояла. Тишина нарушаема была только невнятнымъ шумомъ водопадовъ и отрывистымъ чиликаньемъ неизвѣстной птички въ лѣсной чащѣ. Среди этой дикой природы я настроенъ былъ къ чудесному и ожидалъ, что вотъ захруститъ валежникъ, подымется медвѣдь или промелькнетъ, какъ привидѣніе, испуганный маралъ;* но они явились и исчезли

* Родъ горнаго оленя.

только въ моемъ воображеніи, а мнѣ представился при крутомъ поворотѣ тропинки болѣе идиллическій видъ: стадо овецъ и козъ живописно разбредшееся по прекрасному зеленому бугру; тутъ-же былъ и пастушекъ-Амуръ—чернокожій Киргизенекъ, прикрытый только изорванной тебетейкой на головѣ. Бѣдный мальчикъ, лѣтъ 12-ти, былъ такъ худъ и жалокъ, что рука моя невольно опустилась въ карманъ и я бросилъ ему монету. Киргизенокъ, кажется, болѣе удивился, чѣмъ обрадовался такой неожиданности; онъ поднялъ монету, посмотрѣлъ и весело что-то запѣлъ, припрыгивая. Косматая собака, лаявшая на насъ, возвратилась къ мальчику, начала прыгать на него и они въ веселой борьбѣ своей покатились на траву. Но вотъ и кочевка Камбара у лѣска въ прекрасной долинѣ, по которой пѣнится горный ручей, обѣгая прелестную окрестность. Около десяти закоптѣлыхъ юртъ стоятъ разбросаны тамъ и сямъ; подлѣ нихъ женщины въ нищенской одеждѣ; иныя чинятъ конскую сбрую, другія штопаютъ одежду или обувь заплатами на заплатѣ; та доитъ кобылицу, отгоняя сосунка-жеребенка, который прыгаетъ вокругъ и ржетъ. Тутъ-же нагіе рябятишки карабкаются на огромнаго барана, безсмысленно вытаращившаго глаза; а тамъ, другіе дразнятъ лежащаго верблюда, который, озираясь, жуетъ свою жвачку. Два Киргизенка похрабрѣе, уже помѣстились между горбовъ животнаго, дергаютъ за веревку, продѣтую чрезъ его ноздри, стараясь заставить встать верблюда, чтобы покататься на немъ; но онъ кажется привыкъ къ этой тираніи и стоически пользуется отдыхомъ, не желая баловать маленькихъ шалуновъ. Лишь только я подъѣхалъ къ султан-

ской большой бѣлой юртѣ и занесъ ногу изъ стремени, какъ показался въ ея дверяхъ хозяинъ ея, — султанъ Камбаръ. Я соскочилъ и подалъ ему руку, которую онъ принялъ обѣими своими руками и прижалъ къ груди своей. Черезъ казака, служившаго мнѣ переводчикомъ, спросилъ я о здоровьи султана. Казакъ, знающій всѣ степныя приличія, передалъ мой вопросъ полнымъ обычнымъ Киргизскимъ изрѣченіемъ: — «Здоровъ-ли твой скотъ, твоя душа, жена, дѣти и прочая мелочь?» — «Пасиба, блакадору! А твой здорова?» сказалъ Камбаръ, обращаясь съ поклонами прямо ко мнѣ и стараясь говорить по-Русски. — «Торока суда не усталъ? Вотъ мой домъ; ты козаинъ, ми слука твой!» — повторялъ онъ, кланяясь и поддерживая войлочныя двери юрты, въ которую мы вмѣстѣ вошли. Султанская юрта была довольно обширна, сажени три въ діаметрѣ, изъ бѣлыхъ какъ снѣгъ войлоковъ, натянутыхъ вокругъ пестрой, легкой, камышевой рѣшетки; шнурки и тесьмы, которыми кошмы привязывались, были также пестрые, красивые, съ кистями. Наполу разостланъ былъ, сверхъ черной кошмы, коверъ Ташкентской работы, на которой мы сейчасъ усѣлись по-Азіятскому обычаю. Впрочемъ были вокругъ юрты и сундуки, также покрытые Ташкентскими ковриками и пестрыми шелковыми матеріями. Въ углу стояли двѣ пищали и тазъ изъ бѣлой жести съ готическимъ умывальникомъ. Маленькое зеркальце и около него множество большихъ утиральниковъ съ пестрыми каймами дополняли убранство жилища султанскаго. Послѣ первыхъ отрывистыхъ вопросовъ я попросилъ султана познакомить меня съ его семействомъ. Хозяинъ мой, кланяясь, пошелъ за ко-

ровую перегородку, которою отдѣлялась его юрта отъ другой, меньшей, представлявшей, вѣроятно, женскую половину со всѣми хозяйственными принадлежностями. Черезъ нѣсколько минутъ Камбаръ вышелъ, а за нимъ и жена его. Я увидѣлъ разрумяненную, полную старуху съ черными, выразительными глазами. На ней, сверхъ парчеваго халата, была яркаго голубаго цвѣта кацавейка; а на головѣ изъ-подъ богато-усыпанной жемчугомъ и золотыми монетами шапочки висѣло бѣлое покрывало до колѣнъ. Я раскланялся — султанша улыбалась и кланялась, говоря скороговоркой мужу, чтобы онъ переводилъ мнѣ обычныя привѣтствія; ея черные глаза бѣгали и сжимались отъ улыбокъ. Тутъ-же мнѣ представлены были и два сына ихъ: Али 10 и Ералы 8-ми лѣтъ, босые, въ длинныхъ синихъ рубашкахъ, довольно грязныхъ; бритыя ихъ головы украшались длинными чубами, видѣвшимися изъ-подъ блестящихъ тебетеекъ, которыя замѣняли кажется весь костюмъ мальчиковъ. Дѣти, прижавшись за спиной матери, смотрѣли на меня дико, какъ волченки. Но я почелъ необходимымъ похвалить ихъ султаншѣ. «Какіе у васъ миленькіе дѣти и должны быть умны!» — «Да, да!» сказала кланяясь старуха: «они и на байгѣ будь, а скоро выростутъ отцу будутъ помогать.» Между тѣмъ дородная служанка въ высокой красной шапкѣ, обвѣшанной монетами и оловянными украшеніями, въ пестромъ бешметѣ, покрытомъ до половины талія холщевымъ покрываломъ, подала въ огромной деревянной чашѣ кумысъ. Хозяйка взяла серебряную ложку, вѣроятно подарокъ Русскій, начала вспѣнивать кумысъ и разливать въ Китайскія

фаянсовыя чашки, величиной съ наши полоскательныя. Султанша сама съ поклономъ подала мнѣ и мужу. Я уже привыкъ къ кумысу и съ удовольствіемъ выпилъ залпомъ нектаръ степи, прекрасно утолявшій жажду. Тутъ-же на пестромъ Русскомъ подносѣ, на маленькихъ тарелочкахъ Китайской мануфактуры, были сухія произведенія Бухары: урюкъ, кишмишъ, миндаль и на огромномъ блюдѣ сладкій пирогъ въ родѣ такихъ пироговъ, которые у кандитеровъ нашихъ называются Sandkuchen, только несравненно слаще и притворѣе. Я изъ одной учтивости отвѣдалъ этаго пирожнаго. Разговоръ нашъ не могъ быть очень живъ: я не зналъ Киргизскаго языка, а мой султанъ плохо говорилъ по-Русски. Разговоръ вертѣлся на кочевкахъ, скотѣ и охотѣ. Султанъ желалъ угостить меня на-славу и потому велѣлъ уже заколоть барана для пилаву, но я, отказавшись, спасъ на тотъ день жизнь бѣдняжки. Видя приготовленіе чая въ чугунномъ закопченомъ чайникѣ, я спѣшилъ отказаться и отъ этаго напитка подъ предлогомъ, что мнѣ надо спѣшить на Арасанъ и взять ванну, послѣ которой я обыкновенно пью чай. Простившись съ султаномъ и его женой, я сѣлъ уже на лошадь, какъ вдругъ увидѣлъ, что и Камбару подвели тощую, но породистую лошадку подъ рѣзнымъ изъ кости и убраннымъ бирюзой съ серебромъ сѣдломъ, которое покрыто было тигровой кожей. «Я буду провожать дорогаго гостя,» сказалъ мнѣ султанъ, «если ему это не скучно.» Я поблагодарилъ Камбара и мы спускались рысцой съ покатости, на которой раскинута была его кочевка. Я любовался чудеснымъ вечеромъ, восхищался

горною природою; но мой спутникъ былъ равнодушенъ и, проѣхавъ съ нимъ нѣсколько увалов, я спѣшилъ еще разъ поблагодарить его и разстаться, прося не забывать и моей юрты на Арасанѣ. Пожавъ руки, мы разъѣхались; но султанъ поѣхалъ не домой, а вправо въ горы, гдѣ по ущеліямъ паслись его табуны, какъ сказалъ мнѣ казакъ.

Обратный путь мой былъ безъ приключеній и въ 7 часовъ вечера я отдыхалъ уже въ живительномъ ключѣ Арасана. Черезъ нѣсколько дней я собрался на Капалъ, что позволяли мнѣ поправившіяся силы и что было тѣмъ для меня пріятнѣе, что полевыя работы казаковъ уже начинались: сѣнокосъ оканчивался и наступала жатва. Послѣ обѣда я приказалъ заложить тройку въ мой тарантасъ, уложилъ все необходимое для меня на нѣсколько дней и полетѣлъ въ Капальскую станицу— единственную во всемъ Семирѣчьи, на протяженіи 500 верстъ. Верстахъ въ трехъ отъ пикета, по дорогѣ къ Капалу, переѣхавъ оврагъ, мы встрѣтили плоскій гранитный кряжъ, выдавшійся въ степной равнинѣ какъ масса застывшей лавы. Далѣе дорога идетъ по каменистому грунту и гладка, какъ шоссе; она то подымается, то спускается по увалам и разщелинам, прорѣзаннымъ шумнымъ протокомъ, отъ котораго проведены канавки, орошающія густую зелень посѣвовъ. Склонъ долины дѣлается замѣтнѣе и растительность свѣжѣе. Наконецъ явственно обрисовались сѣрыя точки зданій Капальскихъ. Мы подвигались къ нимъ все ближе и ближе. Сѣнокосный лугъ вдоль дороги къ селенію отдѣленъ изгородью для предохраненія его отъ потравы скотомъ. Вотъ и застава съ рядомъ чистенькихъ, рублен-

ныхъ домиковъ; нѣкоторые изъ нихъ еще не покрыты. Крѣпость, возвышаясь надъ селеніемъ, придаетъ картинѣ особенный видъ, радующій Русское сердце тѣмъ, что и среди пустыни твердо и грозно стала Русская жизнь, и заранѣе думаешь о будущности славнаго пограничнаго города. Весело взглянуть на 400 новенькихъ домиковъ, правильно расположенныхъ по прекрасной долинѣ въ виду горъ и степи, гдѣ четыре года назадъ не было и слѣда человѣческаго бытія. Теперь-же здѣсь кипитъ жизнь: вотъ казаки возятъ строевой лѣсъ на длинныхъ роспускахъ и лошадка рысцой тащитъ подъ-горку огромныя деревья, гдѣ стучитъ топоръ и ладится Русская изба; въ огородѣ казачка въ пестромъ платьѣ съ звонкой пѣсней на алыхъ устахъ ухаживаетъ за овощами. А тутъ раскинутъ таборъ возниковъ провіанта съ линіи и юрты Киргизовъ, близъ которыхъ стоятъ въ кружокъ связанные осѣдланные бѣгунцы и навьюченные верблюды. Я приказалъ себя везти къ приставу Большой Орды, съ которымъ познакомился еще въ О*. Проѣхавъ около самаго вала крѣпости, мы спустились къ оврагу и остановились у воротъ маленькаго домика. Во дворѣ стояла большая юрта, около которой расположились два оборванные Киргиза, державъ повода лошадей подъ пестрыми чепраками. Серебро и бирюза блистали на уборѣ около простой веревочки, замѣнявшей арчакъ или поводъ,—чисто Киргизская роскошь! Видно гости у моего пріятеля, подумалъ я и вошелъ. И дѣйствительно послѣ первыхъ объятій П* познакомилъ меня съ султаномъ Сюкомъ-Аблайханомъ, старикомъ почтеннымъ; ему было далеко за 80 лѣтъ, но лицо его было свѣжо; длинная сѣдая

борода его покоилась на груди, украшенной золотою медалью съ портретомъ Императора Александра, и другая — нынѣ благополучно царствующаго Государя, за услуги и вѣрность престолу, которыми султанъ славился издавна въ ордѣ. Сюкъ былъ одѣтъ въ красный суконный халатъ съ золотыми широкими галунами; поясъ его блестѣлъ серебромъ и бирюзой; на головѣ была богатая тебетейка, вышитая золотомъ очень гармонировавшая съ спокойной физіономіею Киргизскаго вельможи. Старикъ, не смотря на свое наружное здоровье, лишенъ былъ слуха и умственныя его способности также дряхлѣли. Онъ кричалъ громко въ разговорѣ, который передавалъ переводчикъ. Во всемъ проявлялось его любопытство: онъ хотѣлъ знать кто я, зачѣмъ и на долго-ли; осматривалъ въ комнатѣ все, стараясь узнать назначеніе каждаго предмета. Движенія его были живы не по лѣтамъ и разговоръ энергическій. Какъ дома онъ хозяйничалъ на столѣ моего пріятеля, сидя въ креслѣ; а два сына его, уже тоже пожилые, и нѣсколько біевъ сидѣли на коврѣ по-Азіятски. Султанъ особенно любовался картинками модъ изъ журнала и говорилъ, щелкая языкомъ: *Якши!* лукаво улыбался, также безпрестанно лилъ изъ стклянки духи на сѣдую бороду и усы свои и ѣлъ сахаръ съ гофманскими каплями. Тутъ-же со стола взялъ онъ щипцы изъ Польскаго серебра и вертѣлъ ихъ во всѣ стороны, стараясь отгадать, что это. Одинъ изъ біевъ, который вѣроятно хотѣлъ показать свою образованность, взялъ у султана щипцы и объяснилъ ему, что они для того, чтобы снять со свѣчи, а въ доказательство своего знанія пресерьёзно пальцами снялъ со свѣчи нагаръ и, растворивъ щипцы, положилъ его туда и,

пристукнувъ, положилъ щипцы на лоточекъ съ умоpительнымъ самодовольствіемъ. Мы съ П* едва могли удержаться отъ смѣха; а султанъ покачалъ одобрительно головой и сдѣлалъ такую мину, какъ-бы хотѣлъ сказать: какихъ странностей нѣтъ у этихъ образованныхъ людей!—Послѣ чая султанъ съ дѣтьми и свитой откланялся, вскочилъ съ необыкновенной въ его лѣта ловкостію на сѣренькаго бѣгунца, заблѣпно ему подведеннаго, и преважно поѣхалъ шагомъ со двора. Спутники его ѣхали въ почтительномъ отдаленіи. Мой пріятель П* сказалъ мнѣ, что это старшій султанъ Сюкъ—сынъ знаменитаго Аблайхана, владѣтеля всѣхъ трехъ ордъ, первый вступившій въ подданство Россіи. Онъ самый преданный слуга правительства и добрый человѣкъ.

Приставъ П*, человѣкъ рѣдкихъ качествъ, показывалъ особенное уваженіе старику, чтобы поддержать его власть въ ордѣ и показать другимъ султанамъ, какъ цѣнится преданность. Я не замѣтилъ, какъ прошелъ въ разсказахъ вечеръ объ ордѣ и степной жизни. На другой день утромъ мы пошли гулять. Здѣсь на всякомъ шагу чудеса природы: у самой квартиры пристава обрывъ Тамчибулакъ, поросшій мятой и кустами дикой зелени. Изъ зеленоватой глины по крутымъ бокамъ его сочится жемчужными нитями холодная и чистая вода, которая внизу образуетъ бьющій ключъ самой чистой, холодной, прозрачной и легкой воды. Я не знаю воды пріятнѣе вкусомъ и легче воды Тамчибулака.

На всемъ разстояніи станицы, кромѣ протока Капалки, есть множество ключей, а въ покатой ея части неизсякаемое болото, которое уже прорыто многими канавами;

прекрасная вода ихъ проведена жителями въ ихъ огороды. Прямыя улицы правильно расположенныхъ кварталовъ, чистота на этихъ улицахъ, мостики, подъ которыми шумятъ по камнямъ горные протоки, крѣпость, возвышающаяся съ своими бастіонами надъ прекрасною долиною, дѣлали очень живописною картину, которую дополняли ближайшія предгорія, и наконецъ величественная перспектива Алатау. Горы были въ 4 верстахъ, но казались такъ близки, что хотѣлось къ нимъ пройти въ нѣсколько минутъ. Всѣ лѣски и кусточки на нихъ ясно обрисовывались: можно было разглядѣть каждую ель; а далѣе, горы казались покрытыми темносинними иглами, сливающимися съ тѣнями ущелій, надъ которыми высились голыя скалы розоваго и фіолетоваго цвѣта и наконецъ вѣнчались снѣговыми вершинами. Въ станицѣ во всякой почти улицѣ есть торговые дома или, лучше сказать, лавки съ красными и мелочными товарами. Шампанское и хересъ, сукно и нанка, сахаръ и табакъ, духи, иглы и всякая мелочь можно получить въ этихъ лавкахъ. Въ Татарской слободкѣ живутъ торговцы-Ташкентцы съ Азіятскими произведеніями: канфы, бязи, * урюкъ, миндаль, чай и Китайская посуда. Но вся эта юная торговля только мѣстная станичная. Караваны-же изъ Кульджи, Коканда и Бухары рѣдко заходятъ на Капалъ и проходятъ въ 60 верстахъ по Каратальской долинѣ, гдѣ стоитъ нашъ пикетъ.

Недостатокъ лѣса воспрепятствовалъ устроить тамъ заселеніе, которое бы было гораздо выгоднѣе Капальскаго въ отношеніи торговой мѣстности и караваннаго пути.

---

* Бумажная матерія въ родѣ китайки.

На слѣдующій день, въ сопровожденіи станичнаго начальника, поѣхалъ я верхомъ въ ближнія ущелья, откуда казаки берутъ лѣсъ для построекъ. Все еще спало въ станицѣ, когдамы на рысяхъ оставили селеніе и, по непроложенной еще дорогѣ, долиной, приблизились къ возвышенностямъ Алатау. Утро было чудесное; прелестная окрестность, какъ бы выходя изъ тумана, выяснялась все болѣе и болѣе, а позади насъ въ ризѣ утренняго свѣта красовалась станица своими новенькими домиками, надъ которыми вился кое-гдѣ дымокъ перпендикулярной спиралью въ воздушной тишинѣ. Но вотъ уже и подъемъ перваго увала идетъ тропинкой подлѣ оврага, который дѣлается все глубже и глубже и оглашается пѣнистымъ каскадомъ, то ревущимъ межъ гранитами, то быстрѣе или спокойнѣе стремящимся по зеленому бархату муравы. Поднимаясь выше, я находилъ природу еще восхитительнѣе, еще причудливѣе: здѣсь голыя массы скалъ, озаренныя солнцемъ, далеко бросаютъ свою тѣнь; тутъ покатость усѣяна кустистыми растеніями, какъ-будто зелеными мерлушками; березовая рощица трепещетъ листочками, какъ бы привѣтствуя человѣка; а тамъ въ мрачномъ ущельи стоитъ, какъ сонмъ рыцарей-великановъ, сосновый лѣсъ и страшно даже мыслію проникнуть въ его непроницаемую чащу. Я всталъ и пошелъ пѣшкомъ на крутизну по тропинкѣ, а лошадей оставилъ внизу. Я былъ упоенъ свѣжимъ воздухомъ и природой, которая мнѣ такъ по-душѣ. Станичный урядникъ, тучный казакъ, запыхался слѣдуя за мной и нѣсколько разъ

заговаривалъ со мной о томъ, что выше уже не берутъ лѣса по крутизнѣ подъема. Но я все шелъ далѣе и выше, пока крутизна не обратилась въ стѣну, по которой и карабкаться было опасно; тутъ я сѣлъ на камнѣ у шумящаго потока, долго любовался во всѣ стороны перспективой горныхъ видовъ, разспрашивалъ объ урочищахъ, въ какомъ когда рубится лѣсъ, и сколько еще есть мѣстъ, откуда можно добывать его. — «На нашъ вѣкъ станетъ,» сказалъ станичный, «а беретъ всякъ, гдѣ хочетъ, — тутъ приволье.»

Былъ уже одиннадцатый часъ, когда мы подъѣзжали къ станицѣ; но я теперь только встрѣчалъ на роспускахъ казачьи семейства, отправлявшіяся на полевыя работы. Съ нѣкоторыми были и самовары, какъ-будто дѣло шло о прогулкѣ, что еще болѣе убѣдило меня въ комфортѣ здѣшней казачьей жизни. Когда я вошелъ къ П*, то засталъ у него готовый завтракъ и общество офицеровъ, собравшихся чтобы ѣхать въ горы на Кару, по условію, сдѣланному нами еще наканунѣ. «Какъ вамъ понравились наши мѣста?» — спросилъ меня одинъ изъ нихъ. — «Я въ восторгѣ, никогда не видѣлъ и не воображалъ такой природы.» — Такъ теперь мы покажемъ вамъ чудеса еще удивительнѣйшія — вершины Кары,» сказалъ онъ: «мы часто тамъ бываемъ, но такіе виды никогда не приглядятся.» — Все было готово: казаки подвели намъ лошадей, оправили вьюки съ походнымъ обѣдомъ и компанія наша весело пустилась въ скачь изъ станицы къ подъему въ горы, правѣе тѣхъ ущелій, которыя я только-что видѣлъ. Скоро путь нашъ былъ стѣсненъ

горнымъ ущельемъ и мы ѣхали, какъ говорится, *гусемъ*, т. е. въ одинъ конь, но все еще рысью. Незамѣтно поднимались мы на первый кряжъ, откуда Капалъ казался намъ муравьинымъ гнѣздомъ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ живописнѣе и разнообразнѣе были виды во всѣ стороны: тутъ пропасть съ ревущимъ потокомъ, который какъ чешуйчатый змѣй ползетъ во мракѣ и тишинѣ; внизу—зеленая долина, окаймленная березовыми и кленовыми рощицами; за ней раскинулась другая въ восхитительной перспективѣ, а съ боку и надъ головами высятся гранитныя громады, на вершинахъ и въ ущельяхъ которыхъ зеленѣютъ ели и вереск. Отдавъ повода, мы спокойно пробирались по страшнымъ тропинкамъ, которыя были такъ узки, что на нихъ едва становились два копыта привычныхъ, умныхъ лошадей. Эти чудныя лошадки при крутомъ поворотѣ или спускѣ садились назадъ и сползали, упираясь передними ногами; а встрѣтя на тропѣ выдавшійся камень, осторожно переносили черезъ него ногу-за-ногой; при крутомъ подъемѣ — взбирались, пробуя прежде осыпающуюся гальку и ища твердой опоры. Я дивился такому умному инстинкту Киргизскихъ лошадей и откровенно скажу, что одинъ никогда не рѣшился-бы на такую прогулку, гдѣ каждый невѣрный шагъ можетъ стоить жизни. Наконецъ мы поднялись на второй увалъ и остановились отдохнуть. Былъ первый часъ въ исходѣ, а мы отъѣхали только 7 верстъ—пол-пути до нашей цѣли. Прелестное перепутье это какъ бы нарочно устроено природою. На темени высокой горы выдается площадка, окаймленная утесами съ чудной растительностію; боль-

шой, почти квадратный гранитный камень чуть возвышается надъ остальнымъ каменнымъ оставомъ, а кругомъ его лежатъ другіе меньшіе камни, какъ бы представляя столъ съ табуретами. Тутъ мы подкрѣпили себя легкимъ завтракомъ.—Я не нахожу словъ описать живописную панораму, которая была у насъ передъ глазами, боясь, что это будетъ жалкая карикатура или повтореніе прежнихъ картинъ, плохо мною описанныхъ; но нѣтъ, она не можетъ быть повтореніемъ прежняго, она гораздо обширнѣе, гораздо грандіознѣе и совершеннѣе всего видѣннаго мною прежде. Обращая взоръ къ Капэлу, который теперь казался намъ чернымъ пятномъ у нашихъ ногъ, мы видѣли, какъ степная равнина терялась на горизонтѣ: взоръ перескакивалъ за Касиваусъ, казавшійся намъ грядою фіолетовыхъ холмиковъ на буровато-желтомъ грунтѣ степи. Влѣво у насъ понижающіеся горные увалы и долины въ безконечно-прелестномъ разнообразіи сливались съ равниной Каратала, на которой рѣка Караталъ блещетъ серебряной лентой, а еще далѣе въ эту-же сторону, на безпредѣльной равнинѣ, сверкаетъ излучистой линіею рѣка Коксу, соединяющаяся съ Караталомъ. Мнѣ сказали, что впаденіе Каратала въ Коксу отъ насъ по крайней мѣрѣ на разстояніи 120 верстъ. Въ правую сторону высились у насъ ближайшія скалы въ самомъ живописномъ разнообразіи—то голыя то покрытыя лѣсами, а далѣе на голубомъ небѣ виднѣлись гребни снѣжныхъ вершинъ. Оторвавъ наконецъ взоры наши отъ этихъ картинъ, мы обратили ихъ къ новымъ, столь-же чудеснымъ и величественнымъ. Отсюда начался спускъ зеленоватыми полянами съ міріадами разныхъ цвѣтовъ. Какъ

хорошъ былъ здѣсь воздухъ, упитанный ароматомъ, свѣжести самой сладостной и невыразимой! Мы увидѣли стада коровъ, овецъ и козъ, также нѣсколько солдатъ, отдыхавшихъ вмѣстѣ съ своими волами, навьюченными подѣльнымъ лѣсомъ для ротнаго хозяйства. Скоро мы начали спускаться ущеліями въ долину Кары, гдѣ повороты и тропинки были еще опаснѣе прежнихъ; но мы ѣхали спокойно, не занимаясь ими, обратя все вниманіе наше на живописную долину, въ которой блистала серебряной нитью Кара и слышался привѣтный ея шумъ. Вправо и влѣво покатости этихъ дивныхъ горъ разрослись дѣвственными лѣсами елей, сосенъ и березъ, разстилавшихъ свой густой, яркій зеленый покровъ по склонамъ долины, которая, извиваясь, рисовалась неподражаемой перспективой и утопала въ синевѣ отдаленныхъ горъ. Лѣсная чаща замѣтно рѣдѣла, подымаясь къ вершинамъ горъ, какъ-бы уставая этимъ восхожденіемъ; еще выше тамъ и сямъ виднѣлись купы стелющагося вереска, а на самой вершинѣ горы красовались сѣроватыя и розовыя массы, которыхъ вершины блистали яркимъ, бѣлоснѣжнымъ покровомъ, сливавшимся съ нѣжно-голубыми тѣнями небесной лазури. Но вотъ наша кавалькада сгруппировалась; мы рысью спускаемся по зеленому увалу къ бушующей рѣкѣ, заглушающей нашъ веселый говоръ. Наконецъ мы въ гостяхъ у сердитой Кары, которая обдаетъ насъ брызгами и пѣной. Стремленіе ея, не смотря на ничтожную глубину, составляющую менѣе аршина, такъ сильно, что мы, пытаясь переѣхать ее въ бродъ, были всегда опрокинуты ея быстрымъ теченіемъ и самыя крѣпкія лоша-

ди не могли устоять ни минуты: ихъ опрокидывало и уносило. Потѣшась попытками переѣхать въ бродъ эту рѣку, мы поскакали излучистымъ берегомъ ея еще съ версту до мостика; чтобы на другой сторонѣ расположить нашъ отдыхъ, подъ тѣнью елей и березокъ, привѣтливо манившихъ насъ въ свой прохладный пріютъ. Нашъ-же берегъ былъ каменистый и только у самаго русла окаймленъ, какъ бархатнымъ зеленымъ ковромъ, чудесной свѣжей травкой съ мильонами незабудокъ. Но вотъ и мостикъ, состоящій изъ огромныхъ лѣсинъ, покрытыхъ фашинникомъ и землею, перекинутыхъ черезъ рѣчку и утвержденныхъ на природныхъ гранитныхъ устояхъ; онъ высился надъ гремящимъ потокомъ шириною аршина съ два и весь дрожалъ, осыпаемый столбомъ алмазной пыли, скачущей по камнямъ Кары. Перебравшись черезъ мостикъ, мы расположились на берегу Кары подъ первой кущей живописно-сгруппировавшихся деревьевъ, которыми поросло все прибрежье и которыя, все сгущаясь, подымались на пригорья; еще выше кое-гдѣ разстилался вереск по гранитнымъ увалам, а къ небу вознеслись шпицами и замками голыя скалы, увѣнчанныя снѣговымъ покровомъ, откуда вырывается Кара. Она то скользитъ по ледяному ложу, то протачиваетъ себѣ путь въ гранитѣ, то опять вдругъ обрываясь со скалы, разсыпается въ воздухѣ міріадами алмазныхъ нитей и, упадая на непреклонный гранитъ, снова разбивается въ алмазную пыль и съ ревомъ клубится и пѣнится въ каменномъ своемъ ложѣ; потомъ прокладываетъ себѣ путь чрезъ лѣсную чащу, выворачивая огромныя сосны, и вдругъ исчезаетъ, какъ бы побѣжденная преградами; но снова она выбивается

пѣнистой массой изъ лѣсной чащи и ревомъ своимъ оглашаетъ горы, которыя вторя его эхомъ, безмолвно-угрюмо глядятъ на нее съ высоты, не отражаясь въ бѣшеныхъ ея волнахъ. Мы всѣ молча любовались этимъ зрѣлищемъ; говорить нельзя было, да и къ чему, и о чемъ говорить, когда всѣ мы внимали голосу вѣчной божественной природы! Скоро казаки развели намъ огонь, подали чай, послѣ котораго мы пошли на горный подъемъ берегомъ Кары, чтобы ближе видѣть грозный, чудный водопадъ. Скоро мы остановились у крутизны, на которую не могли взобраться, и отсюда мѣрили высоту паденія воды. У обрывовъ рѣчки, въ лѣсной чащѣ, мы нашли множество малины, ежевики и красной смородины; возвратясь на нашъ бивакъ, мы послали людей собрать ягодъ и пока отобѣдали, нашъ дессертъ явился въ такомъ изобиліи, что половину его мы взяли еще съ собой на Капалъ. Незамѣтно пролетѣли нѣсколько часовъ нашей прогулки на Карѣ; солнце уже спускалось за горы и мы спѣшили въ обратный путь, чтобы засвѣтло выбраться изъ горныхъ ущелій и миновать опасныя тропинки. Я былъ въ какомъ-то восторженномъ обаяніи и тутъ-же прощался взоромъ съ этой величественной природой, подумавъ: приведетъ ли Богъ мнѣ еще посѣтить этотъ дикій рай? Не смотря на то, что уже смеркалось, мы благополучно побѣдили всѣ горныя преграды и возвратились въ станицу, когда полная луна осеребрила всю окрестность. Простясь, всѣ разошлись отдохнуть. Скоро я впалъ въ глубокій сонъ, но и во снѣ мнѣ все слышался шумъ водопада, чудилась панорама Кары и до сихъ поръ я вижу живо эту природу, дикую, пустын-

ную, но величественную. Я опять возвратился на теплые ключи, которые возстановили мое здоровье. Насталъ и конецъ августа съ холодными своими ночами, степь пожелтѣла и стало грустно въ ней. Я собрался въ обратный путь по знакомой дорогѣ, которая казалось мнѣ еще утомительнѣе своимъ степнымъ однообразіемъ. Черезъ недѣлю пути я радостно завидѣлъ золотой шпицъ О*ской церкви и, обнявъ друзей, передавалъ имъ мои впечатлѣнія, разсказомъ которыхъ, боюсь, уже наскучилъ вамъ, мой добрый другъ.

Ф. Ц.